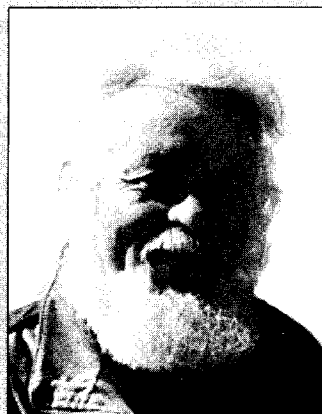

ДРЕВО ПАВЛЕНКОВА: МЕЖДУ ЛЮМПЕНОМ И КРЕЗОМ*

● БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

Юний ГОРБУНОВ,
писатель,
журналист,
г. Екатеринбург

ПАВЛЕНКОВ Флорентий Федорович (8(21).10.1839–20.01(2.02).1900) — издатель, переводчик, редактор, публицист.

Родился в Тамбове в большой семье служилого дворянина. Рано оставшись без матери, воспитывался в кадетских корпусах, затем в Михайловской артиллерийской академии. В самостоятельную жизнь вышел гуманитарно образованным, владеющим основными европейскими языками и одновременно завзятым технарём. Уже на службе в составе гвардейской конной артиллерии проявил неуступчивость и самостоятельность мышления и поведения. В поисках главного дела жизни пробовал себя в разных областях. Ещё 20-летним академиком напечатал в «Артиллерийском журнале» первую работу и тотчас же издал её отдельной брошюрой: О старых нарезных орудиях, хранящихся в Санкт-Петербургском арсенале. — СПб., 1860.

В годы службы в Киевском и Брянском арсеналах увлекся тогдашней новинкой — фотографией. В нескольких номерах журнала «Фотограф» поместил статью и выпустил её брошюрой: Искусство в фотографии. — СПб., печатня В. Головина. 1865. — 17 с.

Ещё одну брошюру перевёл и издал в Киеве: Собрание формул для фотографии. Киев: тип. Фёдорова и Миняты, 1863. 67 с.

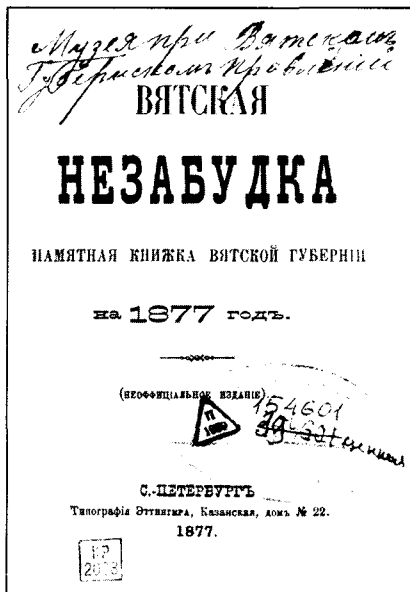
Пробовал себя и в публицистике: Наши офицерские суды. — СПб.: тип. Куколь-Яснопольского, 1865. [2]. — 61 с.

* Продолжение. Начало см.: Библиополе. 2014. № 9.

Это были первые, ещё неосознанные шаги на будущем издательском поприще. А когда Павленков понял, что его военная карьера не сложилась, он повернулся лицом к издательскому делу. Начал с самого близкого и любимого — популяризации научных знаний (для школы и самообразования).

Выбрал востребованный тогда у молодёжи учебник физики француза Адольфа Гано. Сам занялся за перевод и привлёк друга-академиста В.Д. Черкасова. Занятые у брата деньги употребил на приобретение в Париже клише для рисунков. Выговорив себе небольшой кредит в типографии Куколь-Яснопольского, открыл предварительную подписку на издание «Физики», и учебник стал выходить отдельными выпусками. Первый опыт оказался точным попаданием. «Физику» быстро раскупали, и каждый выпуск обеспечивал издание следующего.

Первые шаги артельщиков смахивали на коммерческую авантюру, но при этом польза «кармана» изначально подчинялась общественному интересу. Вторым безнадёжным с точки зрения коммерции предприятием Павленкова стало издание в виде собрания сочинений журнальных статей 25-летнего публициста и критика Дмитрия Писарева, к тому же пребывавшего тогда в одиночке Петропавловской крепости. Статей дерзких, крайне либеральных, звавших молодёжь к разномыслию и самостоятельности. Предприятие не

сулило доходов, а только головную боль от цензуры и недоумение со стороны как левых (такого масштаба сочинений не имели даже маститые литераторы), так, естественно, и правых. Но Павленков и на этот раз не промахнулся — сочинения нигилиста Писарева пошли на ура. Был раскуплен трёхтысячный тираж первой части (тома) и обеспечена выпуском вторая...

На Невском проспекте Петербурга у Павленкова появился «Книжный магазин для иногородних». И торговал не чем попало. Один за другим выходили составленные издателем каталоги, содержание коих говорило само за себя:

- Подробный каталог книг для народного чтения и для начальных школ. Издание «Книжного магазина для иногородних» (Ф. Павленкова) в С.-Петербурге. — СПб, 1867;
- Книжные новости, или Систематический указатель вновь выходящих русских книг. — Ч. 1–2. — СПб., 1867–1868;
- Каталог книг «Книжного магазина для иногородних» (Ф. Павленкова), вышедших с 1867 по 1 декабря 1869 г., и объявления о книгах и журналах. — СПб., 1870. — 78. — 20. — 4 [25] с.

Казалось бы, какое обещающее начало! Но тут спохватилась цензура. Вторая часть (том) «Сочинений Писарева» была арестована, хотя все напечатанные в ней статьи опального автора в своё время прошли даже журнальную цензуру. Здесь продолжилась начатая ещё военным ведомством правительственная охота на инакомыслящего поручика в отставке. Она закончилась административной ссылкой Павленкова в Вятку с запрещением издательской деятельности. Но ещё до судебного процесса по второй части (14 марта 1869 г.) и водворения в Вятку

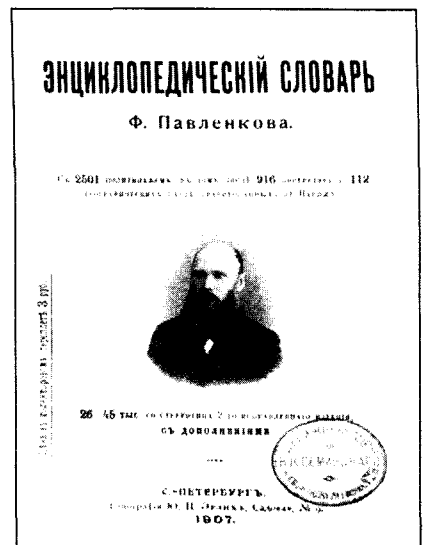
(11 июня того же года) одна за другой вышли в свет третья, пятая, шестая части (тома) «Сочинений» Писарева, ждала очереди четвёртая.

В Вятке Павленков не только не прекратил делотворчество на однажды избранном поприще — его издательские принципы окончательно оформились, всеословная артель начала прирастать полезными работниками провинции. Здесь, в Вятке, Павленков начал целенаправленное формирование библиотеки для самообразования. Начал с учебников для начальной школы и семейного воспитания.

Этому способствовало знакомство с положением первоначального образования в Вятской губернии, общение с прогрессивными земцами. Павленков выступил инициатором большого социального проекта — школ с переездными наставниками — и составил в этих целях азбуку, опирающуюся на звуковой метод Ушинского, но с оригинальной самообразовательной концепцией.

У его издательства практически не было паузы. Пришли на помощь столичные друзья и типографы, а также вятская типография А.А. Красовского. Началась драматическая история «Наглядной азбуки» Павленкова, связанная на её начальном этапе с именем вятского педагога и священника Н.Н. Блинова. (См.: Горбунов, Ю. Азбука, рождённая в неволе // Уральский следопыт. — 1981. — № 12; «Наглядная азбука» Ф. Павленкова // Книжное дело в России во второй пол. XIX — начале XX в.: сб. науч. трудов. Вып. 2. — Л., 1986. — С. 30–44.)

Наглядная азбука для обучения и самообучения грамоте. — СПб., В.Д. Черкасов. — 1873. — 48 с. с илл. (вышла в свет без обозначения автора. Имя Павленкова появилось на обложке только десятого её издания. А 22-е вы-

шло в 1909-м. Международная конференция в Вене (1873) высказала мнение, что «Русская «Наглядная азбука» представляет совершенно неизвестный и новый в Европе и Америке способ обучения и лучше всех до сих пор известных конференции руководств возбуждает самостоятельность учащихся».

Объяснения к «Наглядной азбуке». — СПб.: В.Д. Черкасов, 1873. — 45 с.: илл. Сначала «Объяснение» вышло приложением к № 1 журнала «Семья и школа» на 1873 г., а отдельно восьмое издание появилось в 1898 г.

Одновременно с «Наглядной азбукой» готовился к изданию Краткий очерк популярной химии. — СПб.: тип. тов. «Обществ. польза». Изд. В.Д. Черкасова, 1874. [4]. 58 с.: илл. Очерк был составлен в соавторстве с Н.П. Вальберхом. Два следующих издания этого учебника вышли под названием: Популярная химия. 2-е изд. — СПб., тип. А.М. Котомина и К^о, 1884. [6]. 57 с.: илл.; То же. 3-е изд. — СПб.: тип. тов. «Обществ. польза», 1888.

А «Наглядная азбука» благодаря губернаторским и цензурным препонам то и дело появлялась всё в новом и новом обличье: Наглядная азбука с картинками для обучения по новейшему методу. — СПб., 1875. — 32 с.; Родная азбука: для обучения и самообучения грамоте по наглядно-звуковому способу. — СПб.: тип. В. Демакова, 1876.

Автор обнаружил себя только в шестом издании, а последнее, 18-е, обозначено 1904 г.; Чтение и письмо по картинкам: азбука для обучения и самообучения грамоте по наглядно-звуковому способу. — СПб.: тип. В.Ф. Демакова, 1876. — [2]. — 69 с.: илл.

К азбуке под новой «маской» издан Ключ к «Чтению и письму по картинкам». Киев: тип. М.П. Фрица, 1876. — 89 с. (автор не обо-

значен); То же. 2-е изд. — СПб.: тип. В.Ф. Демакова, 1876. 48 с.; То же. 3-е изд. — СПб., 1877; То же. 4-е, доп. изд. — СПб.: тип. д-ра М.А. Хана, 1879; То же. 5-е изд. — СПб.: тип. (б) А.М. Котомина, 1880. Только в этом издании читаем: «Сост. Ф. Павленков». С шестого издания пособие называлось Объяснение к «Наглядной азбуке» (Ключ к «Чтению и письму по картинкам»); Азбука-копейка. — СПб.: тип. (б) А.М. Котомина, 1878. — 12 с.: илл. Автор указан только на издании 1882 г., а последнее, 12-е, вышло в 1896-м.

Кроме оригинального учебника Павленковым составлены:

- Наглядные несообразности: детские задачи в картинках: 10 листов (на каждом по 29 рисунков). — СПб., 1880. Содержанием картинок служат самые разные несоответствия: пятиколёсная телега, дом без труб, нищий с сумой, отделанной богатыми кружевами, барыня рубит дрова, берёза и пальма растут рядом;
- Объяснение к «Наглядным несообразностям»: для родителей и воспитателей. — СПб.: тип. (б) А.М. Котомина, 1880. — 16 с.

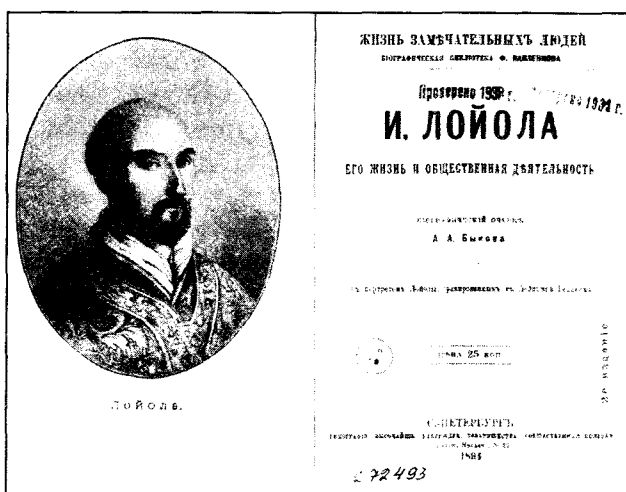
«Наглядные несообразности», считает Павленков, вызваны к жизни «пробелами», которые существуют в пособиях для наглядного обучения: в них совсем нет материала с отрицательной стороной наглядности, который всего легче сводится к задачам — самому плодотворному из всех школьных упражнений. Издание должно служить «материалом для развития в детях наблюдательности, внимания, соображения,

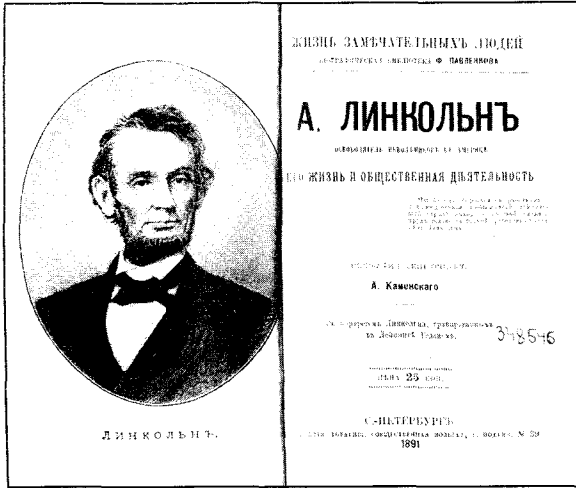
словоохотливости и отчасти критического отношения к окружающей обстановке». «Заставить ребёнка думать с первого же шага, дать ему почувствовать при этом умственное наслаждение — далеко не маловажное дело»;

- То же на франц., англ. и нем. языках. — СПб.: тип. М. Меркушева. 1900;
- Наглядно-звуковые прописи к «Родному слову» Ушинского: пособие для постепенных упражнений в письме, состоящих из образцов рукописных букв, 400 немых картинок, 50 ребусов и объяснения, помещённого на обороте. — СПб.: тип. (б) А.М. Котомина, 1880. — [2]. — 16 с.: илл.;
- то же к «Азбуке» Н.Ф. Бунакова (460 рис.);
- то же к «Первой учебной книжке» Ф. Паульсона (430 рис.);
- общие наглядно-звуковые прописи к другим азбукам (464 рис.);
- Отзывы народных учителей о «Наглядно-звуковых прописях». — СПб.: тип. тов. «Обществ. польза», 1880. — [2]. — 46 с.

Таким был личный вклад Павленкова в раздел «Учебники и учебные пособия» его самообразовательной библиотеки.

Ещё в Вятке обозначились контуры и других разделов этой библиотеки. Назовём только те

книги, в которых Павленков выступил как составитель, переводчик или редактор переводов: «Мученики науки» Г. Тиссандье — образовательное чтение для детей и юношества; «Загадочные картинки: № 1–48», 1878 — публицистика; «История открытия Америки» Ж.Р. Ламе-Флери — история; «Популярная физика» А. Гано, «Соотношение жизненных и физических сил» А. Баркера, «Единство физических сил» А. Секки, «Роль воображения в развитии естественных наук» Д. Тиндаля — математика, физика, химия; «Жизнь на Севере и Юге: от полюса до экватора» А. Брэма, «Социальная жизнь животных» А.В. Эспинаса — геология, ботаника, зоология, физиология; «Телефон, микрофон и фонограф» Т. Дю Монселя; «Научные развлечения» Г. Тиссандье; юридическая литература, справочники и практические пособия.

Особого разговора заслуживает подготовка и издание Павленковым справочно-публицистических сборников «Вятская незабудка».

Мытарства «Наглядной азбуки», неприятие церковными властями павленковского перевода «Единства физических сил» А. Секки подняли вокруг издателя волну недовольства губернских властей. Новый губернатор

российские газеты, подписываясь криптонимом Х.У.З.

Он столкнулся не просто с поголовной безграмотностью крестьянской массы, но и с её правовой незащищенностью, незнанием элементарных законов и земских установлений. Их толкователя и популяризатора он нашёл в лице мирового судьи Владимира Фармаковского. Его брошюры составили первую в издательской практике Павленкова популярно-юридическую книжную серию.

Там, в Яранске, его посещает мысль об издании газеты — то ежедневной массовой «Копейки», то еженедельного «Родного слова». Газета, по его мысли, должна была стать для крестьянства «азбукой социальных наук, но не теоретической, а практической». Другой его замысел, поддержанный местными земцами, был даже близок к осуществлению — журнал «Вестник Вятского земства». Но все эти затеи не шли дальше губернского начальства. Тройницкий, информируя министра внутренних дел, писал, что в этих земских начинаниях замешан ссыльный Павленков, а он, Тройницкий, не может противопоставить ему в качестве редактора и цензора «лица настолько развитого, как, например, Павленков».

Яранские иллюзии разбились одна за другой. После них

Н.А. Тройницкий решил избавить себя от беспокойного соседа, и Павленкова отправили в уездный городок Яранск. Здесь Павленков близко узнал крестьянскую жизнь, обрёл друзей в уездном земстве, начал усиленно корреспондировать в «Неделю», «Русское обозрение» и другие

осел в Государственном архиве Кировской области уникальный документ — черновик пояснительной записки, адресованной в Главное управление по делам печати. В нём — размышления Павленкова о «среднем классе», коему он намерен адресовать газету и коему, как мы убедимся в дальнейшем, будет адресована каждая без исключения павленковская книга.

«По самому своему происхождению класс этот должен представлять собой наиболее прочный оплот всякого благоустроенного государства, а потому на него-то именно и следует обратить особое внимание как со стороны администрации, так и со стороны печати». Он, этот слой общества, по Павленкову, не представляет собой одного неразложимого целого, но его можно подвести под две категории — крупных и мелких собственников. А в среде последних грамотное большинство принадлежит к числу людей недостаточных. Вот та общественная масса, уверен Павленков, из которой государство путём постепенных переходов черпает свои силы и которая, следовательно, всего более должна быть умственно и нравственно сконструирована. Чтобы эта работа была наиболее действительной, она должна быть внутренней, духовной и исходить из родственной ей среды (ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Ед. хр. 510. — Л. 84–85).

Как видим, Павленков трактует средний класс вовсе не по Марксу и его «Капиталу». Там средний класс — промежуточная прослойка общества, которая колеблется между вечными антагонистами — пролетариатом и буржуазией, а у Павленкова — стержневая и самодостаточная общественная сила. Это люди, живущие своим трудом и не опустившиеся до положения экс-

плуататора или эксплуатируемого. И Павленков, будучи представителем этой же *середины*, видит свою задачу в том, чтобы «умственно и нравственно» конструировать нарождающуюся общественную среду.

Документ уникален ещё и тем, что Павленков, будучи исключительно практиком книжного дела, не оставил, насколько известно, других теоретических обоснований своей позиции. И нам кажется тем более уместным представить книжно-биографическое «дерево» его артели.

Итак, все легальные проекты Павленкова рушились на самом первом, губернском этапе. Эти неудавшиеся попытки вызвали на свет божий «Вятскую незабудку» — сборник провинциальной публицистики щедринского обличительного направления. Он был задуман и сотворён в Яранске: Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г. Неофициальное издание. — СПб.: тип. Эттингера, 1877. — [2]. — II. — 384 с. — 800 экз. — рец. «Отеч. зап.»

Сборник вышел в марте. Его официальными издателями выступили два студента Медико-хирургической академии А.Е. Романов и Е.С. Филомонов. 800 экземпляров книжки разошлись в течение полутора месяцев. Ободрённый молчанием цензуры, Павленков сразу же подготовил второе издание, дополнив сборник несколькими новыми статьями. В июне оно вышло в свет: Вятская незабудка. Изд. (2-е). — СПб.: тип. Эттингера, 1877. — [1]. — XXIV. — 390 с. — 1050 экз.

И это второе издание явилось беспрепятственно, и у Павленкова, как всегда, возникли иллюзии, что, кстати сказать, выдаёт в нём намерения не бунтовщика, а либерала-просветителя. Он писал знакомым в разные города и был уверен, что «незабудками» будут

охвачены 8–10 губерний. Но вятские чиновники и сам Тройницкий буквально бомбардируют Петербург жалобами на Павленкова и просьбами убрать его куда подальше.

Утром 27 ноября 1877 г. ему доставили почти одновременно два предписания: одно ужесточало его пребывание в ссылке, а другое уведомляло отставного поручика об... освобождении и возможности проживать где пожелает. Так книжный бунт, поднятый Павленковым в провинции, стал едва ли не причиной обретения им свободы.

Однако в столице против издателей было возбуждено уголовное дело. Защитником Павленков попросил выступить известного адвоката В.В. Лесевича и сам написал для него защитительную речь. Процесс был выигран, студенты-«издатели» освобождены, а защитительную речь напечатала газета «Новости». В Петербург Павленков привёз с собой второй том «Вятской незабудки»: Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии на 1878 год. СПб.: Русская скоропечатня (П.С. Нахимова), 1878. — XXIV. — 520 с.

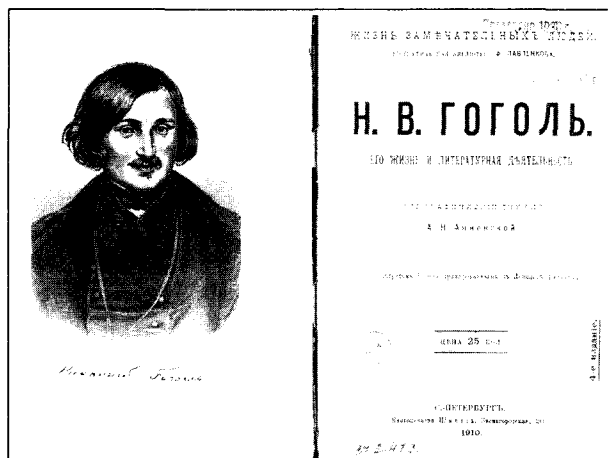
Разрешения издавать самому у него ещё не было, и формальные функции издателя на этот раз взял на себя Н.С. Курочкин, брат поэта-сатирика. Второй том был отпечатан в феврале 1878 г. Но его выход в свет был запрещён цензурой. Тираж сборника арестовали. 2075 его экземпляров были «уничтожены посредством обращения в бумажную массу». Спаслось, судя по архивному делу, только 25 экземпляров. Известна судьба восьми из них, они как рари-

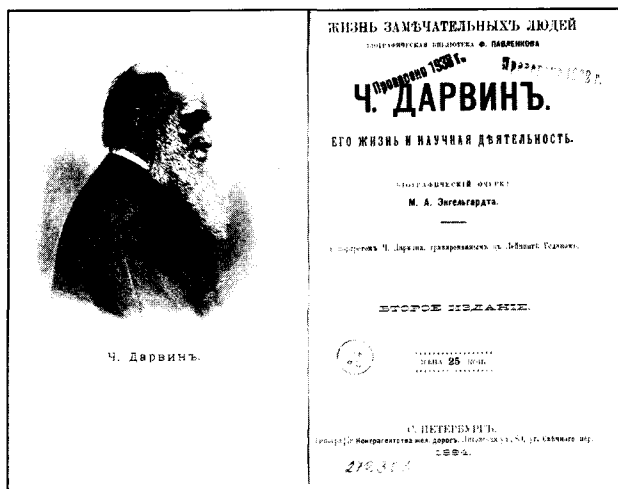
теты хранятся в научных библиотеках Кирова, Москвы и С.-Петербурга.

Два тома сборника состояли из статей и очерков, либо опубликованных прежде в периодических изданиях, либо написанных заново. Многие статьи принадлежат самому Павленкову, как и редактора всех прочих.

Павленков поднял на активную работу литературные силы провинции. Некоторые авторы именно в этом сборнике заявили о себе в литературе и общественной жизни: В.И. Обреимов, М.Л. Песковский и др. Имена большинства авторов скрыты за псевдонимами или вовсе не обозначены. Кировские исследователи выявили не один десяток вятских деятелей, так или иначе связанных с «Незабудкой». (См.: Петряев, Е.Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого вятской земли. — Киров, 1966. — С. 18–24; Изергина, Н.П. Литературная жизнь Вятки. — Киров, 1990; Чудова, Г.Ф. В те далёкие годы. — Киров, 1981. С. 87–101; а также Блюм, А.В. Ф.Ф. Павленков в Вятке. — Киров, 1976).

В этих же работах читатель найдет сведения и о статьях самого Павленкова, а четыре из них напечатаны приложением к моей книге «Флорентий Павленков. Его жизнь и издательская деятельность» (Челябинск, 1999).

В советское время «Вятская незабудка» рассматривалась исключительно как сборники обличительной публицистики. Конструктивное их содержание никогда не было объектом исследования. Между тем мы найдём в сборниках немало и позитивного материала (см. об этом: Горбунов, Ю. Третий путь издателя Павленкова // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2009 год. 6-й (55-й) вып. — Киров (Вятка), 2009. — С. 335–337).

Помимо второго тома «Вятской незабудки» Павленков готовил в Яранске местный карикатурный альбом «На ёлку». В.Д. Черкасов пишет в воспоминаниях, что рождественский подарок вятским чиновникам ему сделать не удалось — издание запретила цензура. Но Павленков, как всегда, нашёл изобретательный выход: фотографии и рисунки, которые, видимо, должны были наполнить альбом, он отпечатал серией «Загадочные картинки» — получилось своего рода иллюстрированное приложение к «Вятской незабудке»: Загадочные картинки. № 1–48. — СПб.: тип. А.М. Котомина, 1878.

Во всех разделах павленковской самообразовательной библиотеки есть личный творческий вклад издателя — авторский, переводческий, составительский, редакторский. Об этом мы ска-

жем, когда пойдёт речь о конкретных книгах и авторах. Остаётся сказать ещё о двух самых значительных проектах Павленкова, не только инициированных, но и буквально выношенных им. Они оба выпали на заключительный период его жизни.

В противостоянии двух социальных концепций Павленков держал сторону главенства личности над массой. Книга Томаса Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории», вышедшая у Павленкова тремя изданиями, стала программной в его самообразовательной библиотеке. Он писал Н.К. Михайловскому: «Биографическая библиотека, Карлейль и Тард, взятые в совокупности, должны демонстрировать в сердцах читающей молодёжи веру в человека».

Биографическая библиотека Павленкова «Жизнь замечательных людей» стала в этом споре практическим аргументом. По идее и содержанию она удивительно естественно сопрягалась с его всеословностью, вытекала из отношений с людьми. Можно сказать, была вернейшим социальным и психологическим портретом самого Павленкова.

Небывалый интерес к павленковскому биографическому очерку в наши дни заставляет приглядеться к его феномену. Девяностостраничное жизнеописание, оказывается, вовсе не является примером младенческого состояния жанра, а скорее выполняет роль первого этажа в его многоступенчатой структуре, почти что роль фундамента. У него свои законы, точки отсчёта, есть образцы ординарные и вершинные. Но пе-

ред нами не только биография, а свод биографий. Он в совокупности жизнеописаний даёт достаточно полное представление о человеке в целом — как социальном типе и субъекте истории.

Биографическая библиотека сразу задумывалась как нечто цельное и в известном смысле законченное. Из плеяды замечательных людей всех времён и народов Павленков решил отобрать 200 имён, разделив их на десять категорий: представители религии; государственные люди и народные герои; учёные; философы; филантропы и деятели народного просвещения; путешественники; изобретатели и люди широкого почина; писатели; художники; музыканты и актёры. Хотя общее число было определено жёстко и окончательно, кандидаты набирались с запасом — кому как повезёт.

Первые 11 биографий вышли в свет в самом конце 1890 г. Бросим взгляд на эти 11 первенцев. Даже сегодня дух захватывает — так широко раскачивается историко-мировоззренческий маятник: Дарвин и Шопенгауэр, Галилей и Лойола, Гоголь и Линкольн... прямо-таки фантастическое человеческое общежитие. Но такова и вся павленковская биографическая «коммуналка», её главная особенность — широкий культурно-исторический диапазон выбора замечательных людей, находящийся в русле общечеловеческой гуманистической традиции.

Павленков был не только инициатором, организатором и вдохновителем проекта, но и в буквальном смысле соавтором каждой из 200 биографий, подбирал книжно-журнальные источники для их составления. В январе 1890 г. он сообщает С.Н. Кривенко, что материал для первых биографий у него собран, сетовал на то, что отечественный до дикости беден и что

«биография у нас почти совсем забыта». За очень немногим исключением все биографии павленковской ЖЗЛ были первыми в России популярными жизнеописаниями выдающихся деятелей всех времён и народов.

В биографической библиотеке приняло участие 78 авторов. Подавляющее их большинство — это выдвиженцы разночинной столично-провинциальной среды: литераторы, учителя, юристы, чиновники разных ведомств, вплоть до полицейского... Павленков мобилизовал в буквальном смысле слова весь круг своих литературных знакомств, использовал случайные встречи, визиты, посредничество друзей, переписку.

«Охота» начиналась примерно так. Павленков показывал потенциальному автору перечень имен и предлагал выбрать, кто ему по душе. Тут же, не сходя с места, обговаривал объём очерка, оплату работы, сроки. Всё это выпаливалось вдохновенно и убедительно, чтобы чувствовались глобальность и беспрецедентность замысла. И тогда уж он не давал будущему автору расслабиться. Сразу же посылал ему с нарочным или почтой книги и журналы с материалами для составления биографии, находил нужный портрет и отсылал гравёру для изготовления политипажа. В одной из столичных типографий уже печаталась обложка с именем автора... Сойти с такого «крючка» было трудно, хотя, конечно, случалось всякое.

Авторов «библиотеки» очень условно можно разделить на три категории. Первую, пожалуй, самую многочисленную, составляли собственно литераторы-разночинцы, преданные отечественной словесности и готовые служить ей в любом жанре и качестве. Сюда следует отнести и жен-

щин — сотрудниц биографической библиотеки. Вторая категория — это учёные, специалисты разных областей знаний, выступавшие в роли биографов-популяризаторов.

Очень многие деятели науки откликнулись на призыв издателя, отложили в сторону сиюминутные дела, чтобы квалифицированно и одновременно общедоступно описать жизнь и труды близкого им по духу и мысли великого человека. Обилие авторов названной категории свидетельствует о той концентрированной просветительской атмосфере, что царил в русском обществе середины и конца XIX столетия. Из числа авторов этих двух названных категорий можно выделить и третью — авторов-мемуаристов, писавших свои очерки либо на основе личных воспоминаний, либо воспользовавшись материалом мемуарного характера, впоследствии утраченным.

В выборе авторов Павленков не обращал никакого внимания на их политические взгляды и пристрастия. Под крышей его «библиотеки» сошлись член харьковского черносотенского Русского союза и правоверный социал-демократ. В ней соседствуют кадет и эсер-максималист, отец русского декадентства и апологет классических традиций, будущий политический эмигрант и будущий советский дипломат.

Биографическая библиотека не разъединяла людей, а сближала их на основе профессиональных и просветительских интересов. Утверждала главный принцип демократии — уважение к личности — как в её вершинном творче-

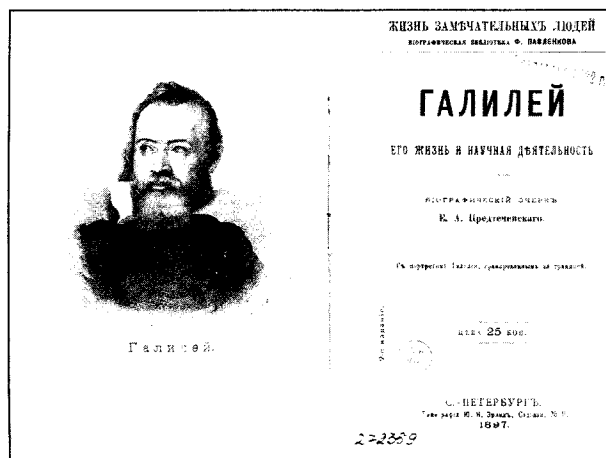
ском проявлении, так и в повседневном, житейском.

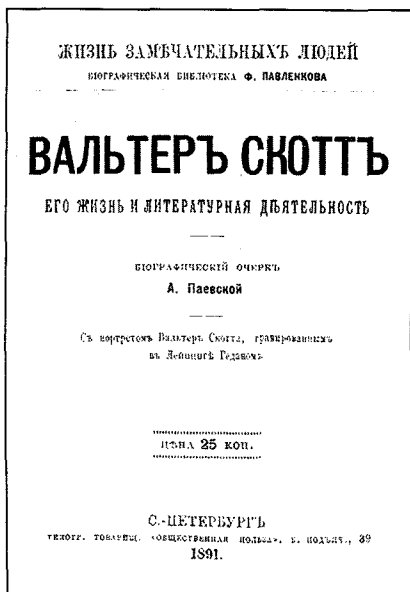
Итак, 200 биографий в 193 книжках. (Семь книжек вышли в свет сдвоенными.) 60 замечательных людей, населивших павленковскую ЖЗЛ, — представители нашего отечества, 140 — иностранцы.

Естественная потребность — узнать мир во всей его противоречивой сложности и разобраться в нём самому — снова и снова влечёт нас к невзрачным тоненьким книжечкам павленковской ЖЗЛ. Они возбуждают интерес и уважение к личности, которая замечена историей. Они рожают благотворное желание понять истоки добра и зла и обогатить свой ум и душу всем позитивным, что неизбежно несёт в себе человек, сумевший вышагнуть за горизонт обыденности.

Павленков успел принять личное участие в создании всех 200 биографий. Но две последние — жизнеописания австрийского дипломата Меттерниха и русского поэта Н.А. Некрасова — ему не довелось взять в руки. Они вышли соответственно в 1904 и 1907 гг.

Последним деянием Флорентия Фёдоровича был его энциклопедический словотолкователь. Он стал естественным и логичным завершением самообразовательной библиотеки. И тот

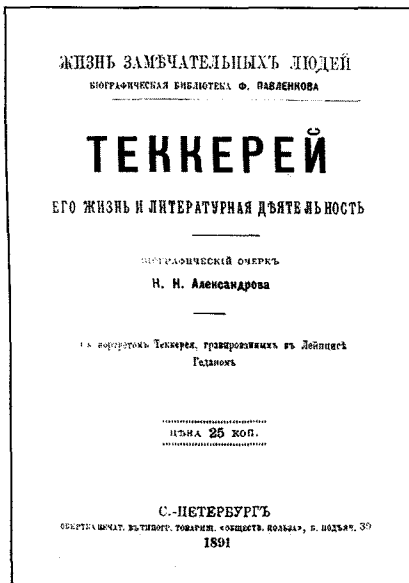
факт, что замысел и первые наброски словаря появились у Павленкова ещё в Яранске, когда его «библиотека» пребывала в эмбриональном состоянии, убеждает нас, что перспектива и план «библиотеки» были осмыслены им заранее:

- Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова. В составлении и пересмотре этого словаря принимали более или менее деятельное участие Я. Абрамов, Д. Аитов (картограф) [и др.]. — СПб.: тип. Ю.Н. Эрлиха, 1899. [4]. 2920 стлб.: илл. Ц. 3 р. — рец.: Рамзевич, Н.К. Рецензия на Энциклопедический словарь. — Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1903. — (Отт. из «Филологических записок» за 1901 г.);
- То же. 2-е изд., испр. — СПб., 1905;
- То же. С 2501 полнотипажем, в том числе 916 портретов и 112 географических карт, которые были гравированы в Париже. 26–45 тыс. со стереотипа 2-го исправленного изд. с доп. — СПб.: тип. Ю.Н. Эрлиха, Садовая, 9, 1907. — [4]. — 3050 стлб. [2]: илл.;
- То же. 4-е изд. — СПб., 1909. — 6 с. — 3104 стлб.: илл.;
- То же. 5-е изд. со стереотипа 4-го изд. — СПб.: Т-во печат-

ного и издат. дела «Труд», 1913. — 3104 стлб.: илл. Позднее Словарь Павленкова был переиздан в Риге (1923) и Берлине (1924):

- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Сост. по Энциклопедическому словарю Ф. Павленкова с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. — СПб., 1900;
- То же. 2-е изд. — СПб., 1907;
- То же. 3-е изд. — СПб., 1911;
- То же. 4-е изд. — Пг., 1917.

Павленков сам составил словник, стал автором боль-

шинства статей, редактировал остальные, был душой и главным двигателем издания. В предисловии он пишет, что не гнался за полнотой словаря, а «имел в виду главным образом практические требования обыденной жизни и вносил в... словарь только то, что считал необходимым для среднего интеллигентного читателя».

Словарь Павленкова стал путеводителем по всей обширнейшей стране знаний, содержал огромное количество фактов, сведений, кратких биографий, опи-

рающихся на новейшие научные достижения и статистические исследования. Приведу только один пример.

Когда текст набирался уже на букву Д, были опубликованы статистические данные всеобщей переписи населения 1897 г. Павленков тотчас же засел за исправления и, начиная с буквы Е, все сведения относительно населения губерний, уездов и городов уже соответствовали данным новой переписи. Об этом Павленков счёл необходимым предупредить читателя.

«Энциклопедический словарь» вышел в свет в 1899 г., перед самой кончиной издателя. На памятнике Павленкову друзья начертали названия первой и последней его книг: «Физика» А. Гано — «Энциклопедический словарь». Они как бы обрамляли собой крону павленковского древа знаний.

В разные годы вышло несколько каталогов изданий Ф. Павленкова: Иллюстрированный каталог книг для детей и юношества, изданных Ф. Павленковым. — СПб., 1885. — 32 с.; Издания Ф. Павленкова [Каталог]. — СПб., 1891. — 16 с.; Каталог изданий Ф. Павленкова. СПб., 1893; 1899; 1900; 1892.

